

XENOPHON. Oeconomicus. A Social and Historical Commentary. With a New English Translation by Sarah B. Pomeroy. Oxford: Clarendon Press, 1994. XII. 388 p.

Ксенофонт, безусловно, принадлежит к числу наиболее оригинальных писателей античной эпохи, и поэтому вполне естественно, что ему посвящена обширная литература. В последние годы в связи с обострением дискуссий о характере экономики древней Греции¹ особое внимание стали привлекать те работы Ксенофонта, которые можно несколько условно назвать экономическими. При этом часто стараются начать исследование проблем *ab ovo*, наилучшим средством для чего служат новые переводы его произведений или их подробнейшие комментарии. В 70-е годы опубликован такой комментарий к сочинению Ксенофонта «О доходах»², теперь появился новый перевод с обширным комментарием другого его произведения – «Ойкономика» («Домостроя»), подготовленный С.Б. Померой, он и является объектом данной рецензии.

Книга состоит из «Предисловия» и большой вводной части, затем идут греческий текст, перевод и комментарий, завершают ее указатели и библиография.

Не будучи филологом, я не решаюсь давать оценку переводу. Отмечу только, что он достаточно близок предшествующим и, насколько я могу судить, вполне добротен, отличается же от них несколько большей сухостью и отсутствием того «жеманства», которое заметно в переводах античных авторов, выполненных в викторианскую эпоху или следующих ее традициям. Так, С.Б. Померой полностью отвергла обычное в более ранних английских переводах обращение Исхомаха к жене «*my dear*», а упоминаемые в тексте «рабы» и в переводе остались «рабами», а не стали «слугами». Вообще переводчик стремится устранить столь обычное для английской науки стремление сделать из Исхомаха британского сельского джентльмена.

Необходимо указать, что в книге очень много повторов: один и тот же сюжет, как правило, трактуется ею дважды. Во вводной части, где рассматриваются основные теоретические проблемы, автор, естественно, подкрепляет свои утверждения ссылками на соответствующие пассажи текста, а затем в «Комментарии» возвращается к тем же самым местам для более детального анализа. Дабы избежать повторений, при анализе ее взглядов мы не будем отделять «Введение» от «Комментария», поскольку никаких принципиальных различий между ними нет.

С самого начала отметим также, что работа выдержана в резко полемическом ключе. С.Б. Померой выдвигает несколько нетривиальных идей, которые она горячо отстаивает. Некоторые из них заслуживают, как кажется, серьезного внимания исследователей.

Первая глава вводной части – «Жизнь Ксенофонта и дата составления "Ойкономика"» – написана на основе книги Дж.К. Андерсона, которая, по мнению С.Б. Померой, представляет собой лучшее его биографию³. Как указывает сам автор, глава не имеет для нее самостоятельной ценности и важна только в связи с проблемой времени создания сочинения. Впрочем, и проблема даты волнует ее только в одном отношении – от этого зависит решение более важного для автора вопроса: создана ли книга Ксенофонта на основе его личного опыта ведения хозяйства или представляет собой продукт чистого умозрения. С.Б. Померой твердо убеждена в том, что начал писать Ксенофонт только во время изгнания, последовавшего после битвы при Коронее, когда он сражался на стороне Спарты, «Ойкономик», по ее мнению, – одна из самых последних работ писателя. Его биография дает основания считать, что он хорошо знал проблемы, которым посвящена книга: Ксенофонт вырос в сельском доме, а также приобрел большой опыт ведения хозяйства в Скиллунте – имении, предоставленном ему спартамцами в Трифилии, где он провел много лет.

Автор, однако (вопреки своему намерению), рассматривает биографию Ксенофонта не только с точки зрения его опыта ведения хозяйства и, тем самым, реалистичности нарисованной им картины, но также и с точки зрения того, насколько жизненный путь Ксенофонта давал ему материал для размышления над некоторыми важными для него идеями, например над проблемой лидерства.

Глава вторая посвящается языку, стилю, структуре «Ойкономика» и датировке описы-

¹ См. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. Москва – Магнитогорск, 1997. С. 82–96.

² *Gauthier Ph.* Un commentaire historique des *Poroi* de Xénophon. Genève – Paris, 1976.

³ *Anderson J.K.* Xenophon. L., 1974.

ваемых в произведении событий. Ксенофонт писал не на аттическом диалекте, а на койне, он был первым, кто ввел его в литературу. Видимо, в этом сказался его уникальный опыт общения с неафинянами и негреками. Отсюда же следует, что Ксенофонт явно предназначал свой труд не только для афинян, а для очень широкого круга, хорошо зная, что сельское хозяйство везде составляло основу экономики. В свою очередь его сочинения, видимо, много читали. Платон в «Законах» критикует нарисованный в «Киропедии» портрет Кира Старшего. Аристотель сообщает о том, что, выражая сочувствие Ксенофону, потерявшему сына, многие написали энкомий Гриллу, что также говорит о его широкой известности. Сам Аристотель, симпатизируя Ксенофону, назвал свою первую работу о риторике «Грилл».

В литературе уже много лет продолжаются дискуссии относительно стиля Ксенофонта, что связано с его новаторством. Но, с точки зрения использования риторики, Ксенофонт стоял на позициях своей молодости, того времени, когда он учился. Продик и Фукидид для него оставались образцами. В его стиле имеются некоторые общие черты с Платоном, ранние диалоги которого он совершенно несомненно читал.

Даты описываемых событий: 420–410-е годы до н.э. Подобно другим сократикам, Ксенофонт не всегда в ладах с хронологией и кое-что «передергивает», чтобы усилить свою позицию. Например, он делает себя слушателем Сократа тогда, когда (по возрасту или иным причинам) не мог им быть, и чтобы повысить престиж Кира, заставляет Сократа хвалить его. Все главные сократики (Эсхин, Антисфен, Платон) использовали форму диалога, и поразительно, как практические хозяйственные вопросы находят к Ксенофону свое выражение в классической форме философского диалога.

В главе третьей «Ксенофонт и Сократ» автор ставит три вопроса: как хорошо Ксенофонт знал Сократа; можно ли сравнивать портреты Сократа у Ксенофонта и у Платона и других сократиков; как точны различные портреты Сократа. Ксенофонт мог быть учеником Сократа между 404 и 401 годами. Уже много десятилетий идет спор о том, кто более точен в передаче идей Сократа – Платон или Ксенофонт. В литературе обычно считается, что в тех случаях, когда Платон и Ксенофонт пишут об одном и том же, второй следует первому, причем такое решение обусловлено всеобщей убежденностью в интеллектуальном превосходстве Платона. Но С.Б. Померой склонна считать иначе: Платон явно читал произведения Ксенофонта и заимствовал у него некоторые детали, описание же характера Сократа как личности и его метода анализа у обоих авторов поразительно одинаковы. Однако в «Ойкономике» Сократ обрисован совершенно по-особому, те черты в облике мыслителя, которые здесь наиболее отчетливы, присутствуют только в этом сочинении Ксенофонта. Большинство современных ученых следуют за Платоном, считая Сократа человеком мысли, а не человеком практическим, как он представлен в данном произведении Ксенофонта. Этот общепринятый взгляд, по мнению С.Б. Померой, видимо, не совсем правилен. Сократ, конечно, был типичным «городским человеком», но он всегда отличался большой любознательностью и интересовался многим, его не могли не привлекать самые фундаментальные вопросы жизни афинских граждан. Кроме того, он здесь выступает не в роли «авторитета», но как человек, расспрашивающий опытного эксперта.

Глава четвертая называется «Семья в классической Греции и в "Ойкономике"». Если в предыдущих главах С.Б. Померой в основном опиралась на уже высказанные идеи и, как правило, только несколько модифицировала их, то начиная с этой главы она входит в ту зону, где ее собственные идеи часто оказываются в резком контрасте с общепринятыми.

С.Б. Померой начинает с понятия *oikonomia*, т.е. науки ведения домохозяйства (или имения). В основе этого понятия – слово «ойкос», ойкос же представлял собой некое единство, включавшее в себя членов семьи, рабов, животных, сам дом, землю и все, что производилось, потреблялось домохозяйством и чем оно расплачивалось за необходимое. Ойкос был «базовой» единицей греческого общества, и о нем в греческой литературе писали с самых ранних времен, но именно Ксенофонт был первым, кто создал дидактическую работу, сфокусированную на самом этом объекте. Исходя из такого понимания, автор рассматривает несколько важных проблем, одной из которых является проблема греческой семьи в IV в. до н.э.

«Ойкономик» представляет явный продукт именно IV в. до н.э., поскольку социальные институты имеют тенденцию становиться объектом исследования только тогда, когда достигают стадии начала разрушения или изменения. Ксенофонт касается здесь многих аспектов ведения хозяйства, но, согласно тексту, взаимоотношения супругов имеют фундаментальное значение для функционирования и успеха ойкоса. В дидактических целях Ксенофонт придал семье Исхомаха нуклеарный характер, т.е. она состояла из одного только поколения – из мужа и жены, хотя есть ссылки на родителей с обеих сторон, отмечается возможность рождения детей в будущем, а относительно отдаленного будущего говорится о детях, которые станут взрослыми.

«Ойкономик» содержит нормативное и идеализированное описание ойкоса. В греческом (как и в других традиционных средиземноморских обществах) жизнь четко делилась на две части: общественную (дело мужчин) и частную (дело женщин). В отличие от большинства классических авторов Ксенофонт фокусирует внимание на взаимоотношениях между мужчиной и женщиной и на сфере приватной жизни. Для выяснения своеобразия взглядов Ксенофонта на роль мужчины и женщины внутри семьи С.Б. Померой сравнивает его «модель» с тем, что пишут другие авторы того же времени. Аристотель, в частности, утверждает, что основные взаимоотношения внутри домохозяйства – это взаимоотношения между: мужем и женой, отцом и ребенком, хозяином и рабом. Мужчина, хозяин ойкоса, выступает в роли главы во всех трех. Согласно мнению Аристотеля, женский ум имеет рациональный элемент (*βουλευτικός*), но этот элемент лишен силы (*ἄκιρος*), и поэтому для женщины не только естественно, но и полезно, что она управляется мужчиной.

Несколько иная картина в ойкосе, описываемом Ксенофонтом. Хотя и здесь он остается в рамках патриархального общества, но внутри этих рамок женщина имеет определенную моральную автономию и может доказать свое превосходство над мужчиной в ряде сфер. Этот взгляд резко расходился с тем, что думало в то время большинство афинян. Для Ксенофонта супруга домохозяина – партнер в управлении ойкосом. В своем стремлении доказать это, Ксенофонт подчеркивает, что способности мужчины и женщины различны и они взаимно дополняют друг друга. Жена лучше, чем муж, служит делу сохранения ойкоса, благодаря материнскому инстинкту она хорошо подходит для заботы о детях. Следовательно, по мысли Ксенофонта, супруги никогда не перестанут нуждаться друг в друге. Жена полностью включается в жизнь ойкоса, и Ксенофонт полагает, что она может быстро научиться своим домашним обязанностям, если супруг будет учить ее тщательно и внимательно.

Рабы не рассматривались как члены греческой семьи (в отличие от римлян), и в этом отношении семья должна отличаться от ойкоса, но рабы составляют часть собственности ойкоса.

Глава пятая – «Домашняя экономика» – занимает важнейшее место в книге. В сочетании с теми конкретными указаниями, которые содержатся в «Комментарии», на основании этой главы можно получить полное представление о концепции С. Померой.

«Ойкономик» дает значительный материал для нашего понимания экономики древней Греции, поскольку это единственная сохранившаяся дидактическая работа, специально посвященная отдельному домохозяйству как экономической единице, а ойкос всегда составлял базис греческой экономики, полис же представлял не объединение граждан, но объединение ойкосов. Греческое право допускало, что на ойкосе могли лежать обязательства в течение большего времени, чем жизнь одного поколения. Отталкиваясь от этого сейчас общепринятого понимания ойкоса, С.Б. Померой в равной степени критична по отношению к двум основным направлениям в изучении древнегреческой экономики: и к модернизаторам, и к «примитивистам» («новой ортодоксии»). Первых она порицает за то, что они постоянно игнорируют домашнюю экономику (за исключением ее аграрного аспекта) и предпочитают дискутировать о промышленности, банках и торговых путях. В результате они, в общем, рассматривают греческое общество в ложной перспективе, уподобляя его капиталистическому обществу. Правда, этому направлению, очевидно, из-за того, что оно уже практически утратило свои позиции, автор уделяет не слишком много внимания.

Основной критический удар наносится по сторонникам М. Финли, идеи которого о греческой экономике доминировали в современной науке начиная с середины нашего века. Особое неприятие у С.Б. Померой вызывает идея М. Финли о том, что греки не знали экономической теории⁴. М. Финли пришел к выводу, что у «Ксенофонта нет ни одной мысли, которая бы выражала экономические принципы или представляла экономический анализ, нет ничего об эффективности производства или рациональном выборе»⁵. Однако, как она подчеркивает, М. Финли использовал определение, созданное современными экономистами для понимания современной экономики, и приложил его к древнегреческой. Исследования последнего времени полностью, по мнению С.Б. Померой, опровергли этот взгляд М. Финли⁶. Особенно большое значение автор придает работе К. Моссе, где Ксенофонт трактуется как первый греческий экономист, который благодаря своему военному и практическому опыту

⁴ *Finley M.I. Aristotle and Economic Analysis // Past and Present. 1970. 47. P. 26–52.*

⁵ *Idem. The Ancient Economy. 2-nd ed. Berkeley – Los Angeles, 1985. P. 19.*

⁶ См. *Meikle S. Aristotle and the Political Economy of the Polis // JHS. 1979. 99. P. 57–73; Thompson W.E. The Athenian Entrepreneur // L'Antiquité classique. 1982. LI. P. 53–85.*

пришел к эмпирическому пониманию некоторых экономических законов⁷. М. Финли говорит об отсутствии у Ксенофонта разработанного понятийного аппарата. Но это совершенно неправильно. В «Ойкономике», особенно во вводной главе, Ксенофонт прилагает огромные усилия, для того чтобы дать определения таких понятий, как οἶκος, οἰκονομία, χρῆματα.

М. Финли критикует Ксенофонта за то, что он больше интересуется специализацией ремесла, чем разделением труда. Его взглядам С.Б. Померой противопоставляет взгляды К. Маркса. Хотя М. Финли не упоминает К. Маркса, он ссылается на то же самое место в «Киропедии» (VIII. 2.5), которое анализировал и К. Маркс и где развитие τέχνηαι (искусств, ремесел, занятий) соотносится с величиной города. К. Маркс подчеркивал, что Ксенофонт обладал хорошим буржуазным инстинктом, когда рассуждал о разделении труда в мастерской⁸. Он, по мнению С.Б. Померой, был лучшего мнения о Ксенофонте, чем М. Финли. К. Маркс отмечал, что Ксенофонт придавал значение потребительской стоимости и знал, что степень развития разделения труда зависит от величины рынка. Ж. Сорель суммировал этот комментарий и добавил, что Ксенофонт в отличие от Платона продемонстрировал понимание важности производства⁹.

Негативная оценка Ксенофонта, как отмечает автор, является отчасти результатом анахронического взгляда на экономическую теорию, который заведомо исключал многое из того, что сами греки считали экономикой. Согласно М. Финли, экономика была исключительно делом «аутсайдеров» (имеются в виду в первую очередь не члены гражданского коллектива)¹⁰, а П. Херфст даже утверждал, что в «Ойкономике» отсутствует то, что в действительности является экономикой¹¹. Вследствие этого М. Финли не смог оценить в полной мере роль частной сферы и вклад женщин (свободных и рабынь) в экономику. Он уделяет очень мало внимания женскому труду в рамках домохозяйства, хотя, по мнению многих ученых, женщина-рабыня в Афинах было больше, чем рабов-мужчин¹². В отличие от М. Финли Сен-Круа делает некоторые попытки выявить место женщин в общей структуре экономики и общества. По его мнению (правда, высказанному без детального анализа), «греческие жены» должны рассматриваться как особый экономический класс, подчиненный мужчине политически, экономически и социально¹³.

Показав, как она полагает, несостоятельность основных современных концепций древнегреческой экономики, С.Б. Померой указывает, что доля понимания характера домашней экономики необходимо использование концепции А.В. Чаянова¹⁴. Его теория, с ее точки зрения, базируется на трех посылах: существуют различные типы экономики, и их следует анализировать в терминах, свойственных каждому типу; экономика должна быть понята посредством анализа ее организации в сфере производства; анализ должен начинаться с выявления характера самых малых единиц (units) организации экономической жизни, и только после этого следует рассматривать взаимоотношение между этими единицами¹⁵.

Ойкос, описываемый Ксенофонтом, объединяет в себе черты семейной фермы и того экономического организма, для которого характерна эксплуатация рабского труда. Чаяновские модели остаются релевантными даже тогда, когда хозяйство ведет не собственник земли, а свободный арендатор. Поскольку экономическая единица базируется на семье, нет необходимости подсчитывать чистый доход по каждому отдельному работнику. Но выгодность экономической единицы, базирующейся на рабском труде, может быть подсчитана, когда будут

⁷ *Mossé Cl. Xénophon économiste // Le monde grec. Pensée, littérature, histoire, documents: Hommage à Cl. Préaux / Ed. J. Bingen, G. Cambier, G. Nachtergaele. Bruxelles, 1975. P. 169–176.*

⁸ Отметим, кстати, что Адам Смит также видел связь между разделением труда и рынком; см. *Meek R.L., Skinner A.S. The Development of Adam Smith's Ideas on the Division of Labour // Economic Journal. 1973. 83. P. 1100.*

⁹ *Sorel G. Réflexions sur la violence. 8 ed. P., 1936. P. 366.*

¹⁰ *Finley. Aristotle... P. 25.*

¹¹ *Herfst P. Le travail de la femme dans la Grèce ancienne. Utrecht, 1922. P. 9.*

¹² Как показали: *Gomme A.W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Oxf., 1933. P. 21; Hansen M.H. Demography and Democracy: The Number of Citizens in Fourth Century Athens. Herning, 1985.*

¹³ *De Ste. Croix G.E.M. The Class Struggle in the Ancient Greek World from the Archaic Age to the Arab Conquests. L., 1981. P. 101 f.*

¹⁴ Она ссылается на следующую работу А.В. Чаянова: *Chayanov A.V. On the Theory of Non-Capitalist Economic Systems // The Theory of Peasant Economy / Ed. D. Thorner, V. Kerblay, R.E.F. Smith. Homewood, 1966. P. 1–28.*

¹⁵ В этом отношении она следует кн.: *Tannenbaum N. Chayanov and Economic Anthropology // Chayanov, Peasants and Economic Anthropology / Ed. P. Durrenberger. Orlando, 1984. P. 27–38.*

учтены количественные факторы, такие, как стоимость покупки и содержания раба или воспитания его с момента рождения, проценты на инвестированный капитал, производительность рабского труда и чистый доход. По мнению С.Б. Померой, герой Ксенофонта Исхомах учитывает все факторы, хотя эти вопросы не излагаются систематически, а о них говорится в различных частях работы. Экономический организм, основанный на рабском труде, более динамичен, чем семья, так как раба можно купить или продать, или сдать в аренду в зависимости от того, что необходимо в данный момент. Исхомах не покупает и не продает рабов, но излишнее число их он отправляет из главного дома. Описываются способы интенсификации эксплуатации земли посредством рабского труда и улучшения плодородия почвы. Особое внимание уделяется тому, чтобы повысить заинтересованность рабов в труде, для чего разрабатывается система поощрений и наказаний.

Когда Ксенофонт писал свою работу, он абстрагировался от проблем «общественной экономики» Афин, сосредоточив внимание на разделении труда согласно полу и на понятии частной выгоды. Но такой подход нельзя рассматривать как свидетельство его невнимания к более общим проблемам экономики: ойкос – основная составная единица полиса, и укрепление ойкоса ведет к укреплению полиса.

Экономика Аттики была типичной средиземноморской докапиталистической экономикой, основу которой составляло сельское хозяйство. Однако сельское хозяйство Аттики именно в IV в. до н.э. ставит перед исследователями несколько серьезных проблем. Одна из них – проблема последствий Пелопоннесской войны. Разбирая существующие концепции, автор не приемлет, в сущности, ни одной из них. С.Б. Померой отвергает восходящие к В. Харди представления о тотальном разрушении аттического сельского хозяйства¹⁶. С другой стороны, она не согласна и с теми, кто стремится преуменьшить его урон¹⁷. Ее точка зрения состоит в том, что кризис был очень сильным, но, в общем, продолжался не более 40 лет, поскольку срок в 40 лет – время, которое нужно, чтобы олива стала плодоносить (по мнению С. Померой, целое поколение жителей Аттики прожило без оливок). Сфера, связанная с производством зерновых, пострадала меньше, но здесь главная беда состояла в разрыве традиций – выросло целое поколение, не имевшее опыта практических полевых работ.

Сама война и ее результаты вызвали целый ряд последствий, которые необходимо учитывать при анализе ситуации как в Аттике, так и в Греции в целом. Прежде всего, опыт войны показал, что крупнейший полис Эллады может существовать практически не имея собственного сельского хозяйства, только за счет импорта продовольствия. Из этого были сделаны соответствующие выводы как в самих Афинах, так и за ее пределами. Пока сельское хозяйство Аттики не восстановилось полностью, землевладельцы из других полисов решили обогатиться за счет продажи в Афины продуктов своего сельского хозяйства, что привело к изменениям в аграрном секторе экономики. Эти процессы проявлялись как в усовершенствовании агротехники, так и во все большем привлечении к труду в сельском хозяйстве рабов¹⁸.

В самой Аттике учет опыта войны имел более сложные формы. С одной стороны, некоторые группы богатых граждан воспринимали его в самом простейшем виде, сделав упор на всемирное развитие ремесла, на повышение его доходности. Другая часть, т.е. люди, подобные Исхомаху, реагировали на новую ситуацию таким же образом, как и те зарубежные землевладельцы, о которых мы только что говорили. Они решили сделать ставку на развитие своих имений, с тем чтобы не только обеспечивать свое существование, но и, придав им товарный характер, гарантировать себе получение солидного дохода, который привел бы их в число самых богатых людей Афин, в состав так называемого «литургического класса».

В связи с изложенными проблемами С.Б. Померой обращается к традиционному вопросу о судьбе мелкого землевладения в Аттике. Как известно, под влиянием идей М. Финли в последние десятилетия господствовало представление об относительной стабильности его в

¹⁶ См. *Hardy W.G. The Hellenica Oxyrhynchia and the Devastation of Attica // Classical Philology. 1926. 21. P. 346–355.*

¹⁷ *Hanson V.D. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Pisa, 1983. P. 47–56, 142; Ober J. Thucydides, Pericles, and the Strategy of Defence // The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr. Lanham, 1985. P. 71–188; Spence I.G. Perikles and the Defence of Attica during the Peloponnesian War // JHS. 1990. 110. P. 91–109.*

¹⁸ Автор видит отражение этого процесса в появлении учебных пособий по сельскому хозяйству, о которых сообщает Аристотель, в чем сказывается новое отношение к сельскому хозяйству, восприятие его как особой научной дисциплины.

IV в. до н.э. Однако эта концепция теперь резко оспаривается¹⁹. Э. Дэвид доказывает, что собственники маленьких ферм пострадали очень сильно и это привело к социальному и экономическому кризису. Видимо, его вывод – крайность, но точно так же крайностью является и концепция М. Финли о полной «безоблачности» в сельском хозяйстве Аттики того времени. Наиболее правильной наш автор склонна считать точку зрения Кл. Моссе, отрицающей глобальный кризис, но постулирующей большие изменения социального плана²⁰.

Хотя в некоторых отношениях книга Ксенофонта имеет оттенок идеализации, ядро ее, как показывают другие источники – реалистическое и нормативное. Во всяком случае, римские агрономы видели в сочинении Ксенофонта практическое руководство. Поэтому необходимо попытаться извлечь из него информацию об экономической структуре ойкоса. Археология в той степени, в какой это возможно, подтверждает данные Ксенофонта. Отличие ойкоса Исхомаха от обычных состоит в том, что он более богат. Признаком богатства являются рабы (мужчины и женщины), число которых, правда, неизвестно. Не уточнена и величина земельного участка, но зато, как указано, количество движимого имущества столь значительно, что нуждается в специальном учете.

Но Ксенофонт не отделяет мелкого собственника, который обрабатывает участок собственным трудом, от крупного, который использует труд рабов. Имение Исхомаха (в результате ряда сделок) состояло из нескольких участков, которые, однако, не образуют единого массива. Согласно «Ойкономику», главная цель ведения хозяйства – получение выгоды, что в конечном счете должно привести к увеличению самого владения. Вместе с тем некоторые хозяева так плохо ведут свое хозяйство, что имеют только убытки. Другие хозяйства слишком незначительны по размерам и поэтому в них потребляется все произведенное. Если мелкий фермер не производит зерно, он вынужден продавать часть других продуктов, чтобы приобрести его. Излишки продуктов должны быть проданы. Это придает хозяину ойкоса уверенность перед лицом всякого рода возможных проблем, связанных с деньгами: Ксенофонт упоминает оплату жертвоприношений, общественные пиры, благодеяния, гостей, содержание лошадей, а также литургии. Частные граждане также могли требовать поддержки, например в форме займа. Нужны были деньги и на приданое дочерям.

В начале существования отдельного ойкоса земля и дом – вклад мужа, вклад жены – деньги (ее приданое) и часть движимого имущества. Источники доходов от результатов сельскохозяйственной деятельности достаточно многочисленны. Рабы, мелкий скот, лошади и т.п. упоминаются как потенциальные источники дохода. Исхомах сам не покупает и не продает рабов, но ремарки в тексте показывают, что другие собственники делают это. Рабы ценны именно тем, что они служат производительной силой. Но основная часть дохода аттического земледельца (как и в других доиндустриальных обществах) – от продажи произведенных продуктов на рынке. Хотя М. Финли писал о том, что в источниках об этом нет информации²¹, В. Эренберг²² привел многочисленные примеры существования этой практики. Так же явно, что торговцы должны были покупать значительное количество продуктов (например, оливковое масло) у крупных собственников, таких, как Исхомах, и продавать его позднее, когда цены увеличивались. Земля сама могла быть значительным источником дохода: в производстве упоминается возможность приобретения участка земли, улучшения его и последующей продажи со значительной выгодой. Наличие у землевладельца нескольких участков (как в случае с Исхомахом) могло подталкивать его к производству различных продуктов, а это усиливало тенденцию к самодостаточности и давало ойкосу определенную степень гарантии против всякого рода случайностей. Кроме того, неотъемлемую часть сельскохозяйственного производства составляло животноводство²³.

В числе тех проблем, которые активно обсуждаются в науке сегодня, особое место занимает проблема «экономической стратегии» аттического землевладельца. В свое время Сен-Круа выдвинул идею, согласно которой земельные собственники из-за отсутствия современных методов подсчетов не имели точных представлений о том, какая форма сельскохозяйственной

¹⁹ См. *David E. Aristophanes and Athenian Society of the Early Fourth Century B.C.* Leiden, 1984.

²⁰ *Mossé Cl. La vie économique d'Athènes au IVe siècle: crise ou renouveau? // Praelectiones Patavinae.* Roma, 1972. P. 135–144.

²¹ *Finely M.I. The Study of the Ancient Economy: Further Thoughts // Opus.* 1984. 3. P. 8.

²² *Ehrenberg V. The People of Aristophanes.* 2-nd ed. Camb. Mass., 1951. P. 130.

²³ Относительно выгоды животноводства автор ссылается на статью: *Hodkinson S. Animal Husbandry in the Greek Polis // Pastoral Economies in Classical Antiquity / Ed. C.R. Whittaker.* Camb., 1988. P. 35–74.

активности более выгодна²⁴. Эта мысль была подхвачена М. Финли и заняла важное место в его концепции античной экономики²⁵. Но как было показано позднее, Сен-Круа преувеличил значение современных методов подсчета сельскохозяйственной выгоды²⁶. Дж. Миквиц, по мнению Померой, более прав, поскольку он отталкивался от изучения папирусов, которые дают очень хорошие примеры не только подсчета затрат и прибылей, но и попыток дать настоящий финансовый анализ землевладения. Согласно Ксенофонту, Исхомах и его жена вели финансовые книги, именно жена фиксировала свой месячный бюджет. В Греции существовали по крайней мере две системы подсчетов доходов, и Исхомах дает соответствующие советы жене. В «Ойкономике» обращается внимание на то, какие потери последуют, если позволить работнику трудиться не в том темпе, который необходим для данной операции, а слишком быстро или слишком медленно. Как утверждает в книге «О доходах» Ксенофонт, каждый земельный собственник знает, сколько потребуется рабочих и животных для обработки данного участка, и понимает, что применение их в большем, чем необходимо, количестве – прямое расточительство. Таким образом, можно смело утверждать, что греческие земледельцы стремились вести свое хозяйство рационально, они подсчитывали как свои доходы, так и затраты, вели необходимую документацию. Финансово устойчивое поместье, такое, как у Исхомаха и его жены, велось согласно заранее составленному плану.

Ни К. Маркс, ни Ж. Сорель, ни М. Финли, по мысли автора, не поняли, что Ксенофонт обсуждает вопрос о разделении труда между полами в рамках домашней экономики. В обществе, которое характеризуется строгим разделением труда между полами, где большинство женщин не допускается на рынок труда, где собственность на средства производства (важнейшая категория, принимаемая в расчет историками экономики) принадлежит исключительно мужчинам, – в таком обществе сфера монетарной экономики тоже принадлежит исключительно мужчинам. Но при углубленном экономическом анализе необходимо учитывать и женский труд, который использовался или для производства того, что потреблялось в рамках домохозяйства, или для обмена. Мужчина как глава домохозяйства присваивал труд жены, детей и рабов. Патриархат был не только социальной, но и экономической системой. По мнению С.Б. Померой, пришла пора отказаться от утверждения М. Финли, согласно которому женщины-рабыни использовались прежде всего в сексуальных целях, а продукты, произведенные женщинами (в том числе рабынями) внутри ойкоса, – только для домашнего потребления²⁷. Однако (возражает С.Б. Померой) в рамках домашнего хозяйства существовало все текстильное производство – единственная оставленная женщинам отрасль, за которой тем самым признавалось экономическое значение. Ткани могли продаваться и пополнять домашний бюджет.

Шестая глава – «"Ойкономик" после Ксенофонта». Самый первый отклик на труд Ксенофонта – «Экономика» Псевдо-Аристотеля, где значительная часть текста посвящена взаимоотношениям мужа и жены в домохозяйстве. Но этот вопрос решается перипатетиками традиционно: в домохозяйстве у мужа должна быть полная власть. Традиционно здесь и отношение к рабам. На последующие поколения греков книга Ксенофонта не оказала значительного влияния, возможно, потому, что он не принадлежал ни к одной из философских школ и тем самым стоял вне традиций. Римляне читали «Ойкономик» начиная с Катона Старшего. Цицерон перевел его около 85 г. до н.э., и перевод был широко известен, его знают Варрон, Колумела, Плиний и Квинтилиан. Среди сохранившихся 26 папирусных фрагментов сочинений Ксенофонта два – отрывки из «Ойкономика». Известен он и в средние века, но не привлекал большого внимания, в эпоху Возрождения – широко известен, но менее популярен, чем сочинение Псевдо-Аристотеля.

В последней главе вводной части речь идет об истории текста. По утверждению самой С.Б. Померой, в ней нет ничего оригинального.

---

²⁴ *De Ste. Croix G.E.M. Greek and Roman Accounting // Studies in the History of Accounting / Ed. A.C. Littleton, B.S. Yamey. L., 1956. P. 14–74, особенно p. 37. Эту идею Сен-Круа развивал, полемизируя с Дж. Миквицем (Mickwitz G. Economic Rationalism in Graeco-Roman Agriculture // English Historical Review. 1937. 52. P. 577–589), который доказывал, что, несмотря на отсутствие современной техники подсчетов, древние земельные собственники могли подсчитать доход и капитал и имели ясное представление о том, какой доход может дать сельское хозяйство.*

²⁵ *Finley. The Ancient Economy. P. 189–191.*

²⁶ *Macve R.H. Some Glosses on Ste. Croix's «Greek and Roman Accounting» // Cruix: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. Exeter, 1985. P. 235.*

²⁷ *Finley M.I. Was Greek Civilisation based on Slave Labour? // Slavery in Classical Antiquity: Views and Controversies / Ed. M.I. Finley. Camb., 1960. P. 58.*

Как видно из вышеизложенного, наш пересказ содержания исследования весьма подробен. Это объясняется и важностью темы, и оригинальностью концепции С.Б. Померой. Подчеркнем также, что анализируемый ею источник весьма труден для интерпретации. Ее комментарии нам представляются глубокими и выводы – серьезно обоснованными. Комментарии базируются на сопоставлении информации, содержащейся в данном произведении Ксенофонта, – как с тем, что он писал в других своих сочинениях, так и, что особенно важно, с мнениями других древнегреческих авторов, высказывавшихся по названным вопросам. Таким образом, отчетливо выявляются и оригинальность некоторых взглядов Ксенофонта, и принципиальное сходство других его идей с тем, что было общепринято в его время. Заслуживает также одобрения широкое привлечение научной литературы и относительно трактовки конкретных пассажей в тексте Ксенофонта, и по тем общим проблемам, для решения которых могут быть использованы его свидетельства.

Многое из сказанного С.Б. Померой кажется весьма справедливым. Нельзя не согласиться с ее критикой как модернизаторов, так и примитивистов. Особенно интересно, как автор противопоставляет взглядам М. Финли не только мнения и выводы других исследователей, но и информацию из самого анализируемого ею источника. Такой «комбинированный» метод кажется весьма удачным и дает достаточно убедительные результаты.

Ряд положений, высказанных С.Б. Померой, если и не может быть принят полностью, то во всяком случае заставляет всерьез задуматься над поднятыми ею проблемами. Важны соображения о необходимости учитывать роль женского труда в ойкосе при создании общих схем экономики древней Греции. Любопытен ее взгляд на характер «Ойкономика», основное содержание которого автор видит в проблеме взаимоотношения полов в процессе производства. Хотя это положение и несколько отдаёт суффражистским духом, но некоторая доля справедливости все-таки, как кажется, здесь имеется. Вместе с тем из текста работы совершенно не ясно, чем объясняются достаточно новые для того времени мысли Ксенофонта относительно роли домохозяйки в ойкосе: являются ли они знаком каких-то грядущих перемен в положении женщины, результатом личного жизненного опыта писателя или еще каких-то иных причин.

В сущности, принципиальное возражение вызывает только один из основных тезисов. В связи с комментированием пассажа XII,3, где говорится об управляющем поместьем Исхомаха, С.Б. Померой возражает Э. Грейс, которая, анализируя данное место, пришла к выводу, что подавляющая часть рабочей силы в поместье Исхомаха состоит из рабов²⁸. Однако в пятой главе в прямом противоречии со сказанным здесь С.Б. Померой стремится доказать, что основное отличие имения Исхомаха заключается в том, что главная рабочая сила там – рабы, а в крестьянском хозяйстве – сам хозяин и его семья. При этом совершенно не объясненным остается то обстоятельство (на которое С.Б. Померой обращает внимание, но не может его объяснить), что для Ксенофонта и имение Исхомаха, и крестьянские хозяйства – однотипны. В результате в концепции автора появляется трещина, которую она не может ликвидировать и которая угрожает целостности всего возведенного ею здания. Представляется, что С.Б. Померой напрасно прошла мимо тех работ, где весьма убедительно показана специфика крестьянского хозяйства Аттики классической эпохи, главная особенность которого – наличие практически в каждом нескольких рабов. Эти выводы были сделаны на основании изучения комедий Аристофана (они дают следующую картину: у афинского крестьянина насчитывается, в зависимости от его достатка, от двух до четырех рабов)²⁹, речей Лисия³⁰, речей Демосфена (где типично хозяйство с тремя рабами)³¹. Можно с достаточной долей уверенности утверждать: обычное крестьянское хозяйство Аттики классической эпохи базировалось, как и крупное имение, на рабском труде, что и заставляло Ксенофонта считать их однотипными.

Необходимо привлечь внимание еще к одному обстоятельству, тесно связанному с предыдущим. С.Б. Померой, описывая действия Исхомаха и его супруги по отношению к рабам, постоянно упоминает об их функции надзора за рабским трудом, но, как мне представляется, при этом исчезает один из важнейших аспектов их деятельности: они должны выступать, по

²⁸ Грейс Э. Что такое раб и искусство управления людьми // ВДИ. 1970. № 1. С. 49–66.

²⁹ Lévy E. Les esclaves chez Aristophane // Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P., 1974. P. 29–46; Коваленко Г.А. О некоторых проблемах становления и развития государственности в древней Греции // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 49–52.

³⁰ Dunand F. L'esclavage dans Lysias // Actes du colloque d'histoire sociale. P., 1972. P. 117–124.

³¹ Hervagault M.-P., Mactoux M.-M. Esclaves et société d'après Démosthène // Actes de colloque 1972 sur l'esclavage. P. 57–103.

мысли Ксенофонта, не столько надсмотрщиками, сколько *организаторами* трудового процесса. Я думаю, что разница между двумя понятиями достаточно отчетлива и показывает принципиальное значение владельца рабовладельческого хозяйства. Крестьянин, использовавший рабский труд, также в первую очередь был организатором, но в отличие от Исхомаха, который действовал только как организатор, он и сам принимал непосредственное участие в труде.

В свое время Е.М. Штаерман³² откликнулась на концепцию цивилизации К. Квилли³³, по мнению которого развитие цивилизации определяется механизмом, обеспечивающим накопление избыточного продукта и использование его на создание нового. Кризис наступает, когда управляющая этим механизмом группа становится консервативной, враждебной новому, что ведет к упадку цивилизации. Механизмы движения в каждой цивилизации своеобразны. В античной цивилизации основу этого механизма составляло рабство. Оно было эффективно, пока господа сами трудились наряду с рабами, хорошо знали процесс производства и могли улучшать его за счет средств, получаемых как непосредственно в результате производства, так и благодаря торговле. Когда же рабовладельцы в силу тех или иных причин устранились от процесса труда, прогресс прекратился, так как господа утратили нужные знания, рабы же в нем совершенно не были заинтересованы. Представляется, что в данном случае мы видим именно ту стадию, когда и в крупных, и в мелких хозяйствах рабовладельцы еще активно участвуют в процессе производства, правда, в крупных – только в роли его организаторов.

Другое критическое замечание касается проблемы кризиса сельского хозяйства Аттики в конце V – начале IV в. до н.э. С.Б. Померой особое значение придает гибели олив и даже полагает, что целое поколение афинян не знало собственного оливкового масла. Думается, это явное преувеличение. Достаточно вспомнить речь Лисия «О священной масле», чтобы сразу понять: ситуация не была столь безотрадной, как это видится нашему автору.

Подводя итоги, мы, видимо, имеем право сказать, что, несмотря на некоторые слабые места, данная работа, безусловно, интересна и заслуживает внимания специалистов. Привлекает сильная критическая направленность книги: «новая ортодоксия» получила удар, парировать который будет весьма трудно. Однако главные достоинства книги находятся в ее позитивных построениях. Благодаря труду С.Б. Померой «Ойкономик» Ксенофонта теперь предстает перед нами как полноценный источник по экономической истории Греции классической эпохи. Важны также высказанные ею мысли о роли домашнего производства в общей структуре хозяйства.

Л.П. Маринович

© 1998 г.

I. NIELSEN. Hellenistic Palaces. Tradition and Renewal. Aarhus: Aarhus University Press, 1994 (Studies in Hellenistic Civilization, V). 341 p. 44 pl.

Рецензируемая работа посвящена истории такого интересного и важного со многих точек зрения явления, как эллинистический дворец.

Книга состоит из следующих разделов: «Введение» (главы: «Жизнь при эллинистическом дворе; функции дворца» и «Модели (Египет, Вавилония, Ахеменидская империя, Эллада, Сицилия)»; «Эллинистические дворцы» (главы: «Македония, Фракия и Крым», «Пергам», «Селевкидское царство», «Царство Птолемеев», «Иудея»); «Ранние римские дворцы» (главы: «Италия» и «Римская Палестина»); «Заключение»; достаточно обширная «Библиография» и указатели.

Автор рассматривает дворец как с функциональной точки зрения, так и с архитектурной, указывая на зависимость архитектурных форм от функционального назначения сооружения. Основное внимание уделяется (что естественно) царским дворцам, но в качестве отдельного сюжета в книге описываются также дворцы местных правителей и частные дворцы, которые,

³² Штаерман Е.М. Античность в современных западных историко-философских теориях // ВДИ. 1967. № 3. С. 11 сл.

³³ Quigley C. The Evolution of Civilizations. N.Y., 1961. P. 128, 168–170.